

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ

УДК 911.3:316.347(470)

СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОГО
СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
РОССИИ

С. Г. Сафронов*

На основе итогов переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. в территориальном разрезе проанализированы процессы, происходившие в этнической структуре России в постсоветский период. Вопрос устойчивости этнической структуры «русского мегаядра» и «коренизации» национальных субъектов России рассмотрены с учетом различий в миграционной ситуации в течение двух межпереписных периодов и социально-экономической ситуации в субъектах РФ. Представленный уровень урбанизированности основных этносов косвенно характеризует перспективы сохранения традиционной «примордиалистской» этнической идентичности для разных этнических групп. Особое внимание уделено новым тенденциям — росту числа лиц, не давших однозначного ответа или уклонившихся от ответа на вопрос о своей этнической идентичности. Наряду с серьезными погрешностями при проведении переписи их причины могут быть связаны со скоростью модернизационных процессов и усложнением структуры этнической идентичности, по-разному протекающим в русских и национальных регионах. По данным переписи населения 2010 г. для сельского и городского населения исследованы различия в уровне полиэтничности, которая связана с историей и характером освоения регионов, особенностями расселения, а также миграционными процессами последних двух десятилетий.

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 13.06.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-9

© Сафронов С. Г., 2015

Ключевые слова: этническая география, переписи населения, индекс этнической мозаичности, география населения

Особенности и проблемы учета этничности. Россия принадлежит к странам, в которых этнокультурное разнообразие всегда оказывало существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Не успев как другие европейские страны полностью пройти путь становления национального государства, она оказалась под влиянием этнонациональных концепций, принесенных вместе с социал-демократическими идеями из Австро-Венгрии и Германии. На рубеже XIX—XX вв. в дискуссии о сути понятия нация и возможных формах ее самоопределения — территориальной и экстерриториальной — приняли участия такие видные теоретики национального вопроса, как К. Каутский, О. Бауэр и К. Реннер.

В России национальный вопрос большевики, как и классики марксизма, рассматривали скорее с тактической точки зрения. Ленин, а позднее и Сталин жестко выступали против экстерриториальной национально-культурной автономии, которая угрожала бы «полному единству рабочих всех наций» [5; 6]. Однако право наций на самоопределение в форме национально-территориальной автономии могло бы привлечения на сторону большевиков население окраин, среди которого доля пролетариата была незначительна. Считалось, что оно станет одной из составных частей в борьбе за построение новой власти, а потом уступит место новым интернациональным формам идентичности [4].

Однако на деле советская национально-территориальная модель федерализма и административно-территориального деления, построенная на противоречивых и эклектичных принципах [16], этнические депортации и репатриации, способствовали закреплению в сознании населения примордиалистского понимания этничности. Оно уходит корнями в традиционалистское, преимущественно аграрное, малоподвижное общество, когда этнос рассматривается как объективные социальные образования людей на основе родства или свойства и имеющие общие интересы и цели. Этничность, дававшаяся человеку от рождения, жестко и однозначно фиксировалась в паспортах вплоть до начала 1990-х гг. В результате устойчивое доминирование примордиалистского подхода к этничности в умах рядовых граждан и значительной части российской элиты — один из серьезных вызов для будущего страны.

При проведении переписей населения состав официально утвержденных списков народов и их иерархии утверждались политическим руководством страны и во многом определялись особенностями политической ситуации. Постсоветские переписи населения 2002 и 2010 г. и анализ их результатов проходят на фоне споров о природе этничности. В 1990—2000-е гг. в этнической сфере проявились новые тенденции — особенности воспроизводства этничности в крупных городах, множественная или вообще не вполне определенная этническая идентичность, быстрая ее смена в условиях геополитических подвижек или, наоборот, мобилизация в случае возникновения конфликтных ситуаций. Для их объяснения требуется привлечение инструменталистских и конструктивистских концепций, делающих акцент на функции этничности или на способы ее мобилизации и культивирования [8; 13; 14].

Постсоветские переписи оказались, за исключением расширения списка этносов, используемых для разработки ее результатов, мало адаптированы к новым процессам [10; 11]. Одни из наиболее серьезных

претензий к ним — однозначность фиксации этничности и качество проведения. Почти повсеместно отмечались случаи заполнения переписных листов на основе материалов, имеющихся в органах власти, без личного общения с людьми. Интенсивные миграционные процессы, значительный рост временно зарегистрированного и незарегистрированного населения приводят к снижению доли жителей, охваченных переписью. Однако, несмотря на все недостатки, переписи пока остаются основным источником данных о территориальной структуре этнического состава населения. Ее изменение происходит в результате сочетания классических этнодемографических процессов, связанных с естественным движением и миграциями представителей различных этносов, и относительно новых для России, связанные с трансформацией и усложнением структуры этнической идентичности.

При анализе территориальных сдвигов в составе *этнического пространства* России традиционно выделяются *три ключевых компонента*:

— *«русское мегаядро»*, контуры которого, по В. Н. Стрелецкому, «в основном (но не полностью) соответствуют границам сплошного территориального массива «русских» областей и краев» [12];

— *национальные регионы*, сильно дифференцированные по весу в населении страны и доле титульных этносов;

— *переходные этноконтактные зоны*, структура которых в последние десятилетия значительно усложнилась.

Наряду с традиционными поясами на периферии русского мегаядра, своего рода «внешними» этноконтактными зонами, расширяются и «внутренние» — крупные города с мозаичным этническим составом населения. И хотя, как правило, доля этнических меньшинств в них пока не столь значительна, активность последних, конкуренция на рынке труда, а также ареалы сегрегированного расселения по этническому признаку, привлекают все большее внимание [3]. При этом нет и однозначного ответа на вопросы о том, что из себя представляют этнические диаспоры в крупных городах — группы людей, объединенные объективно существующими целями и потребностями, или искусственно конструируемые и мобилизуемые элитами группы.

Русское «мегаядро», территории с абсолютным преобладанием (более 80%) в этническом составе населения русских на протяжении постсоветского периода почти не изменило своей конфигурации (рис. 1). Однако даже с учетом серьезных погрешностей данных переписей в его границах, несмотря на общую устойчивость¹, проявляются разные процессы. Лишь на периферии Центрального и Северо-Западного районов

¹ Если рассчитывать этническую структуру не от всего населения, а лишь от числа тех, кто дал ответ на вопрос об этнической принадлежности, доля русских и их «спутников» в целом по России снижается намного медленнее (с 83,3% в 2002 г. до 82,9% — в 2010 г.), а доля русских, взятых отдельно, даже немного выросла с 79,8 до 81,5% [9]. Однако такой неучет «неопределёвшихся», доля которых особенно велика в наиболее урбанизированных и миграционно привлекательных регионах, представляется не вполне оправданным.

вес русских и их «спутников»² в этнической структуре населения относительно стабилен, а его снижение сильно коррелирует с увеличением числа тех, у кого в переписных листах по тем или иным причинам этническая принадлежность не указана (рис. 2). Значительная часть из этих регионов, расположенных в Нечерноземной зоне, в социально-экономическом плане мало привлекательны.

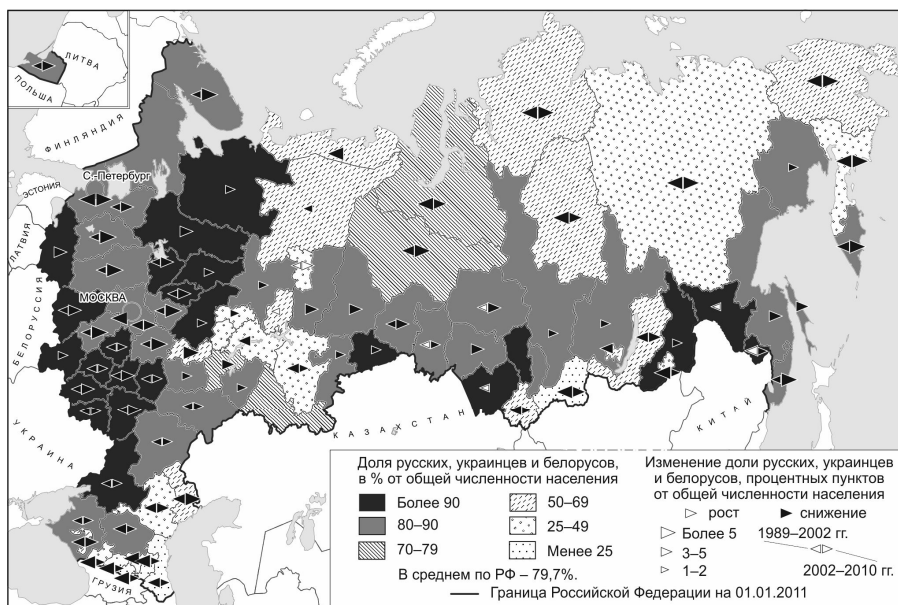

Рис. 1. «Русское мегаядро» по данным переписи населения 2010 г.

В Центрально-Черноземном районе сохранение высокого веса славянских этносов во многом связано со сменой идентичности российских украинцев. Не только в пределах Слободской Украины, на современном российско-украинском пограничье, но и в других регионах украинцы и белорусы имеют сложную, подчас двойную этническую идентичность. Об этом свидетельствует быстрое сокращение доли украинцев и белорусов³ в постсоветский период, который невозможно объяснить лишь этнодемографическими процессами, включая миграцию [2].

² «Спутниками» русских В. В. Покшишевский весьма точно назвал украинцев и белорусов, принявших вместе с русскими активное участие в колонизационных процессах в пределах территории Российской империи и СССР, а также межэтнических браках [7].

³ В 2002—2010 гг. доля украинцев и белорусов в этнической структуре населения России продолжала быстро снижаться, в том числе и в регионах российско-украинского пограничья. Наряду с естественной убылью и незначительным миграционным оттоком важную роль играли ассимиляционные процессы в условиях распада СССР: по мере смены поколений молодежь все более ассоциируется с доминирующей этнокультурной традицией. Хотя украинцы и остаются «третьим» народом России (1,93 млн человек), их численность по сравнению с 1989 г. как и белорусов (0,54 млн человек) сократилась почти на 55%.

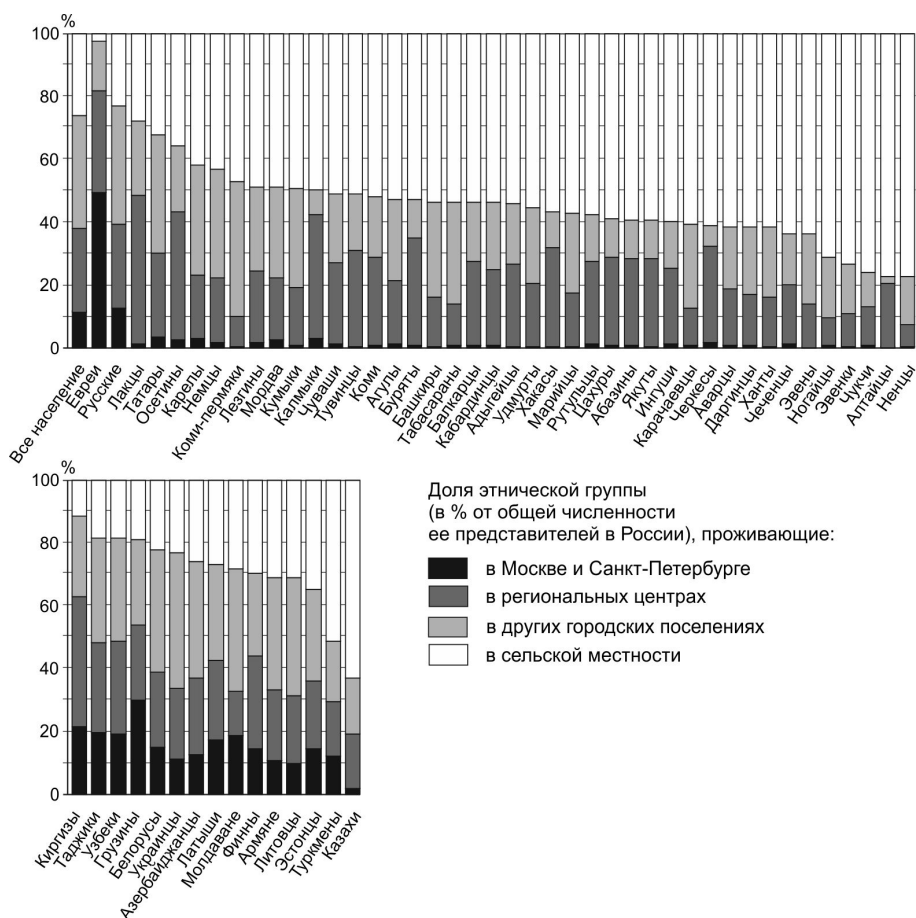

Рис. 2. Уровень урбанизированности этнических групп на территории России по данным переписи населения 2010 г.:

- (а) — имеющих национально-территориальную автономию в составе России,
 (б) — титульных народов бывших союзных республик

В Азиатской части страны доля русских и их «спутников» относительно высока и стабильна в пределах основной полосы расселения, выклинивающейся полосы, протянувшейся с запада на восток вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1990—2000-е гг.

Повышенная доля белорусов сохраняется в «трофейных» регионах (Калининградская область, юго-западная часть Карелии), куда их активно переселяли в 1940—1950-х гг., после Великой Отечественной войны. Доля украинцев выше среднероссийской во многих регионах Европейского Севера и Азиатской части страны, население которых формировалось под влиянием интенсивных переселенческих миграций дореволюционного периода и советских трудовых миграций. Более 5% украинцев по-прежнему сохраняется в населении Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Магаданской области и Чукотском автономном округе.

крупные города, в первую очередь региональные центры, расположенные на Транссибе, приняли на себя часть миграции русских из более северных территорий.

Заметное снижение доли славянских этносов в пределах мегаядра в постсоветский период было характерно для экономически благополучных и миграционно привлекательных Санкт-Петербурга, Московской и некоторых соседних с ней областей, которые для многих мигрантов играют роль промежуточного этапа на пути в Московский столичный регион. «Необычная» ситуация характерна для Москвы: данные переписи 2010 г. не только не позволяют, а скорее «опровергают» очевидную и в целом продемонстрированную переписью 2002 г. тенденцию усиления полиэтнизации столицы. Это, вероятнее всего, связано с качеством проведения последней переписи и неполным охватом наличного населения Москвы.

Снижение доли русских в общей численности населения России в значительном числе регионов произошло за счет тех, кто в силу разных причин не дал ответа на вопрос о своей этнической принадлежности, что можно при всех оговорках считать одной из важных пока наступающих тенденций трансформации этнической идентичности. В целом по России они составили около 5,6 млн человек, в сумме опередив татар, второй по численности народ России. И по образному выражению Д. Богоявленского, стали *вторым «квази-народом»* [2]. **«Неопределившиеся»** — это относительно новый элемент этнической структуры России, природа которого лучше трактуется в рамках конструктивистской концепции этничности. Значительному росту их числа способствовали как технические проблемы переписи — заполнение части переписных листов по административным данным, в которых сведения об этничности отсутствуют, так и отмена жесткой фиксации однозначной этнической принадлежности в паспортах, а значит и возможность для проявления множественной идентичности [10; 11].

Поэтому среди территорий с повышенной долей таких жителей выделяются как регионы со сложными в силу удаленности и разреженности расселения условиями для проведения переписи, так и более урбанизированные с интенсивным миграционным притоком (рис. 3). Прежде всего это федеральные города, наиболее «продвинутые» соседи Московской области первого порядка, где этот процесс начался еще в 1990-х гг., более урбанизированные регионы Урала и Западной Сибири.

Минимум же «неопределившихся» там, где этническая идентичность принципиальна для комфортного проживания индивида, испытывающего давление окружающего социума, где сильны позиции традиционной культуры, в которой этническая идентичность — средство политической мобилизации населения, нацеленное на увеличение доли титульного этноса. В первую очередь это республики Северного Кавказа и некоторые национальные субъекты в Среднем Поволжье.

Невелика доля «неопределившихся» и в пределах этноконтактных зон. Исключение составляют лишь отдельные наиболее сложные регионы, как например, Астраханская. В пределах этнического пограни-

чья этническая идентичность также выступает как средство политической мобилизации разных групп населения, которые, таким образом, по мнению национальных элит, смогут отстаивать свои социально-экономические интересы и сохранять культурную самобытность.

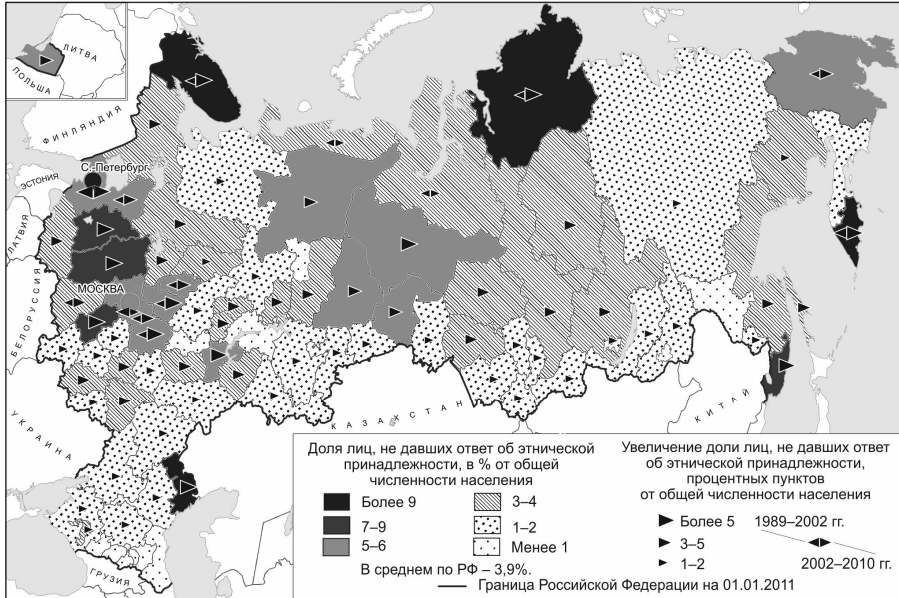

Рис. 3. Лица, не указавшие национальность по данным переписи населения 2010 г.

В большинстве национальных субъектов РФ⁴ в 1990-е гг. стала явно проявляться вторая ключевая тенденция трансформации этнического пространства — «**постсоветская коренизация**»⁵, увеличение доли титульных этносов в населении, сохранявшаяся хотя и с меньшими темпами и в 2000-х гг. Однако в отличие от советской коренизации ее содержание и природа была несколько иной: относительно более высокий естественный прирост у коренного населения национальных субъектов Северного Кавказа и Азиатской части страны на фоне оттока русских и их «спутников» и роста популярности этниче-

⁴ Здесь и далее сведения по национальным административно-территориальным даны в границах по состоянию на 2002 г.

⁵ Курс на коренизацию был провозглашен X съездом РКП(б) почти параллельно с началом НЭПа, а также работ по национальному размежеванию, и предусматривал «выращивание местных кадров и опору на коренное население республик». Одними из основных целей этой политики были усиление патернализма центра, воспитания новой советской элиты, борьба с традиционной культурой, освоение символов и смыслов индустриального общества [16]. Однако постепенно стала проявляться и обратная ее сторона — рост сепаратистских настроений среди новой национальной элиты — в полную силу проявившая себя по мере ослабления советского государства.

ской идентичности. Параллельно под влиянием социально-экономической нестабильности, ростом межэтнической напряженности или как в случае с Татарстаном еще и целенаправленной политики властей по привлечению этнической миграции из-за пределов России, происходило «стягивание» титульных народов в «свои» регионы — увеличение доли представителей этноса, проживающего в пределах национального субъекта (табл.).

Титульные этносы национальных субъектов РФ*
по данным Переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Субъект РФ	Этносы	Доля в населении республики, %			Доля проживающих в республике, %		
		1989г.	2002г.	2010г.	1989г.	2002г.	2010г.
<i>Республики</i>							
Чечня	чеченцы	...	93,5	95,1	—	75,8	84,3
Ингушетия	ингуши	...	77,3	93,5	—	87,4	86,7
Чечено-Ингушетия	<i>всего</i>	70,7	94,9**	95,9**	—	—	—
	<i>чеченцы</i>	57,8	71,7**	72,9**	81,7	82,9**	85,6**
	<i>ингуши</i>	12,9	23,2**	23,0**	76,1	88,1**	87,0**
Дагестан	<i>Всего</i>	80,2	86,6	87,4	—	—	—
	<i>аварцы</i>	27,5	29,4	29,2	91,2	93,1	93,2
	<i>даргинцы</i>	15,6	16,5	16,9	79,4	83,4	83,2
	<i>кумыки</i>	12,9	14,2	14,8	83,6	86,6	85,8
	<i>лезгины</i>	11,3	13,1	13,2	79,4	81,8	81,3
	<i>лакцы</i>	5,1	5,4	5,5	86,3	89,3	90,3
Тыва	тувинцы	64,3	77,0	81,0	96,3	96,7	94,5
Кабардино-Балкария	<i>Всего</i>	57,6	67,0	69,7	—	—	—
	<i>кабардинцы</i>	48,2	55,3	57,0	94,2	95,9	94,9
	<i>балкарцы</i>	9,4	11,6	12,6	90,4	96,8	96,2
Чувашия	чуваши	67,8	67,7	65,1	51,1	54,3	56,7
Северная Осетия-Алания	осетины	53,0	62,7	64,5	83,2	86,5	87,0
Калмыкия	калмыки	45,4	53,3	56,2	88,2	89,6	88,7
Татарстан	татары	48,5	52,9	53,2	32,0	36,0	37,9
Карачаево-Черкесия	<i>Всего</i>	40,9	49,8	52,5	—	—	—
	<i>черкесы</i>	9,7	11,3	11,8	79,3	81,9	77,2
	<i>карачаевцы</i>	31,2	38,5	40,7	86,1	88,0	89,0
Саха (Якутия)	Якуты	33,4	45,5	48,7	96,1	97,4	97,6
Марий Эл	марийцы	43,3	42,9	41,8	50,4	51,7	53,1
Мордовия	мордва	32,5	31,9	39,9	29,2	33,7	44,8
Алтай	алтайцы	31,0	32,7	33,9	85,2	92,5	92,7
Бурятия	буряты	24,0	27,8	29,5	59,8	61,3	62,2
Башкортостан	башкиры	21,9	29,8	28,8	64,2	73,0	74,0
Удмуртия	удмурты	30,9	29,3	27,0	69,5	72,3	74,3
Адыгея	адыгейцы	22,1	24,2	24,3	77,7	84,1	85,8
Коми	Коми	23,3	25,2	22,5	86,7	87,4	88,7
Хакасия	хакасы	11,1	12,0	12,0	80,1	86,5	87,2
Карелия	карелы	10,0	9,2	7,1	63,2	70,3	74,9

Окончание табл.

Субъект РФ	Этносы	Доля в населении республики, %			Доля представителей, проживающих в республике, %		
		1989г.	2002г.	2010г.	1989г.	2002г.	2010г.
<i>Автономные округа</i>							
Агинский Бурятский	буряты	54,9	62,5	65,1	10,1	10,1	10,9
Коми-Пермяцкий	коми-пермяки	60,2	59,0	54,2	64,8	64,1	66,7
Усть-Ордынский	буряты	36,3	39,6	39,8	11,8	12,1	10,8
Корякский	коряки	16,5	26,7	30,3	73,5	76,7	71,4
Таймырский (Долгано-Ненецкий)	Всего	13,2	21,5	25,8	—	—	—
	долгане	8,9	13,9	15,7	75,0	76,0	68,4
	Ненцы	4,4	7,7	10,1	7,2	7,4	7,8
Чукотский	чукчи	7,3	23,5	25,3	78,9	80,1	80,3
Эвенкийский	эвенки	14,0	21,5	22,0	11,6	10,7	9,3
Ненецкий	Ненцы	11,9	18,7	17,8	18,8	18,8	16,8
Ямало-Ненецкий	Ненцы	4,2	5,2	5,7	61,2	64,0	66,7
Ханты-Мансийский	Всего	1,4	1,9	2,0	—	—	—
	Ханты	0,9	1,2	1,2	53,4	59,7	61,6
	Манси	0,5	0,7	0,7	79,3	86,5	89,5
Еврейская авт. обл.	Евреи	4,2	1,2	0,9	1,7	1,0	1,0

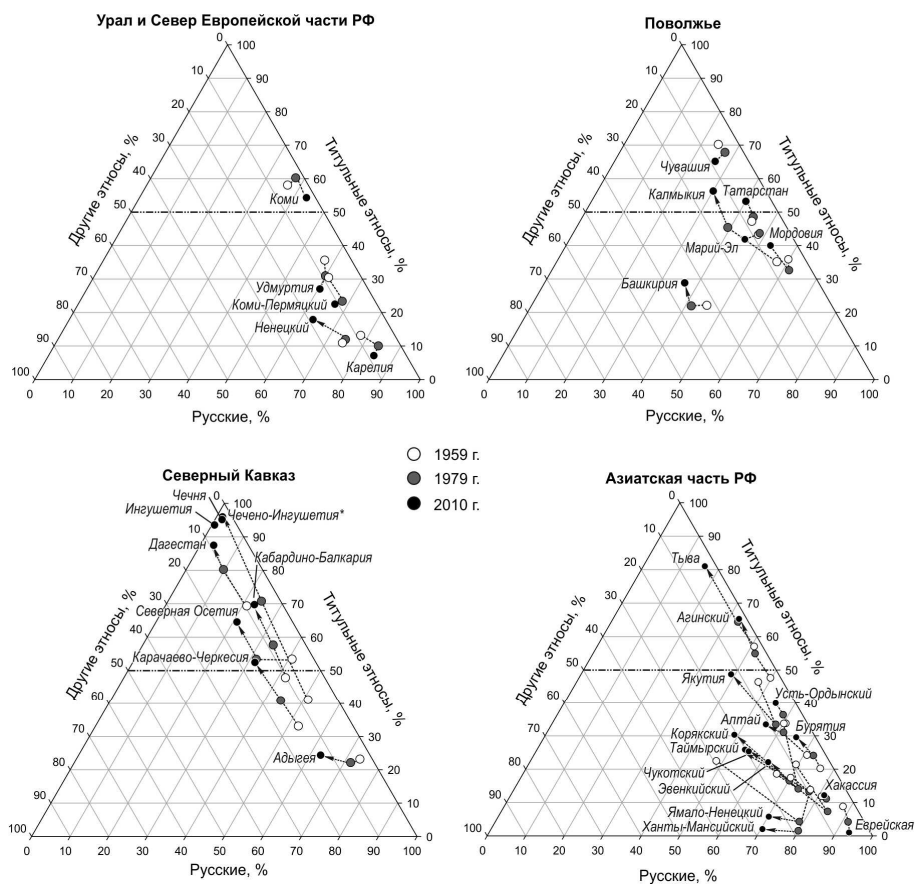
* По состоянию на 2002 г.

** В границах Чечено-Ингушетии 1989 г.

Однако в регионах эти тенденции проявлялись не столь однозначно и с разной интенсивностью, во многом обусловленной развитием на предшествующих исторических этапах. Значительный вклад в ход этих процессов вносит и этнодемографический фактор: почти все северокавказские этносы за последний межпереписной период увеличили или сохранили свою численность во многом благодаря сохранявшемуся положительному естественному приросту. Титульные этносы Урало-Поволжья и Севера Европейской части РФ в постсоветский период, как правило, имели суженное воспроизводство.

В результате выделяется три основные группы национальных субъектов в составе России по особенностям трансформации этнической структуры населения в послевоенный период (рис. 4).

Для *первой группы*, включающей республики Северного Кавказа, Калмыкию и Тыву, быстрое уменьшение доли русскоязычного населения — лишь продолжение давно обозначившейся тенденции. Сначала это происходило в силу различий в темпах естественного прироста различных этнических групп, а позднее — в сочетании с миграционным оттоком русскоязычного населения, в разной форме выдавливавшегося из республик. Все в итоге усиливает в этих регионах влияние традиционной культуры, способствует сохранению традиционных практик и институтов, а значит, и традиционной этнической идентичности, успешно конкурирующей с гражданской, общероссийской национально-политической. Даже периодические трудовые миграции из этих регионов в крупные города, в которые вовлечена значительная часть мужского населения, как правило, не в состоянии подорвать эту базовую этническую идентичность.

* В границах Чечено-Ингушетии 1989 г.

Рис. 4. Этническая структура населения национальных субъектов России

Диаметрально противоположная ситуация в регионах *второй группы*, которую образуют большинство национальных субъектов Севера Европейской части и Урало-Поволжья, где естественная убыль коренного населения сочетается с ассимиляционными процессами, что обычно приводит к незначительному росту доли в населении русских и их «спутников». По итогам переписи 2010 г. эта тенденция была статистически неправдоподобно резко и без каких-либо объективных на то оснований «переломлена» лишь в Мордовии, что обычно связывается или с «техническими особенностями проведения» переписи, или с соответствующей «работой с населением». И это «исключение» не отменяет значительного распространения более сложной двойной или множественной этнической идентичности.

Заметно отличается динамика лишь в двух тюркоязычных республиках. В Татарстане суженное естественное воспроизводство сочетается с активной социально-экономической и миграционной политикой властей на фоне умеренного оттока русскоязычного населения. В Башкортостане ситуация осложняется наличием трех этносов, доля кото-

рых сопоставимы — башкир (28,8%), татар (24,8%) и русских (35,2%). В последней сложно объяснимые обычными причинами резкие изменения этнической структуры (особенно на уровне отдельных муниципалитетов) по данным переписей населения 1979, 1989 и 2002 гг. уже стали хрестоматийным примером влияния административного фактора при проведении переписных кампаний.

Третья группа состоит из ресурсных или слабо экономически развитых регионов Азиатской части страны, относительно недавнего освоения, в которых интенсивная «постсоветская коренизация» вызвана не только и не столько более высокими темпами естественного прироста у коренных этносов, сколько интенсивным оттоком русскоязычного населения, связанным с экономическими причинами — сокращение числа и усилением конкуренции за престижные рабочие места, падение уровня жизни и относительного размера доходов. Для таких регионов для разных групп населения, по-видимому, характерно сочетание разных типов этнической идентичности, в том числе и множественной. Причем титульная этническая идентичность нередко, как, например, накануне переписи 2010 г. в республике Алтай, дополнительно мобилизуется усилиями властных элит.

Следствие концентрации этносов в пределах «своих» республик — сохранение пониженного **уровня урбанизированности** (см. рис. 2), что, в свою очередь, способствует сохранению этнического традиционализма. Относительно высокую долю горожан кроме русских имеют лишь татары и осетины, в пределах традиционных ареалов расселения которых сложились крупные экономические и административные центры. Историческая судьба, участие в вынужденных миграциях, способствовали более высокой урбанизированности евреев и лакцев⁶.

Намного более урбанизированы и представители этнических диаспор бывших союзных республик в России, сформировавшихся во многом в результате трудовых миграций советского и постсоветского периодов. Значительно выше концентрация представителей диаспор в региональных центрах и столицах. Исключение составляют лишь казахи, значительная часть которых расселена в сельской местности в приграничных с Казахстаном регионах, и туркмены, около 40% которых проживает в сельской местности Ставропольского края, куда они переселились на рубеже XVII—XVIII вв. с полуострова Мангышлак.

Представители диаспор благодаря низкой статистической базе были и остаются лидерами по темпам роста среди российских этносов.

⁶ В «первый» раз это произошло в ходе кампании переселения горцев в предгорья и на равнину, активно продвигавшейся советской властью. В 1944 г. часть лакцев была переселена на освободившиеся в процессе депортации чеченцев-аккинцев земли образованного Новоласкского района. В 2011 г. на фоне роста межэтнической напряженности и земельных претензий вернувшегося из депортации чеченцев-аккинцев было принято решение о повторном переселении жителей Новоласкского района на бывшие земли Кировского района к северу от Махачкалы. Сам по себе этот вариант несет потенциальную угрозу возникновения новых межэтнических противоречий.

В 1990-е гг. впереди были таджики и представители закавказских народов, миграции которых в Россию подталкивали острые межэтнические конфликты и экономическая ситуация в своих республиках. В 2000-е гг. максимальные темпы демонстрируют в первую очередь народы Средней Азии — киргизы, узбеки, таджики. А вот численность грузин и азербайджанцев по официальным данным в 1990—2000-х гг. даже несколько снизилась, что вряд ли поддается разумной интерпретации.

Еще одна общепризнанная тенденция в развитии этнического пространства России постсоветского периода — «гетерогенизация этнического состава населения крупных городов» [12, с. 1]. Однако эта не вызывающая сомнений на уровне обыденных представлений тенденция не столь универсальна: в пределах России можно выявить несколько вариантов-сочетаний уровня этнического разнообразия населения сельской местности, региональных столиц и остальных городов. Один из способов сопоставления этнического разнообразия — сравнение соответствующих **индексов этнической мозаичности**, которые были рассчитаны на основе методики, предложенной Б. М. Эккелем⁷ (рис. 5). В данном случае содержательный смысл индекса — оценка «теоретической вероятности вступления национальностей в межэтнические контакты» [15].

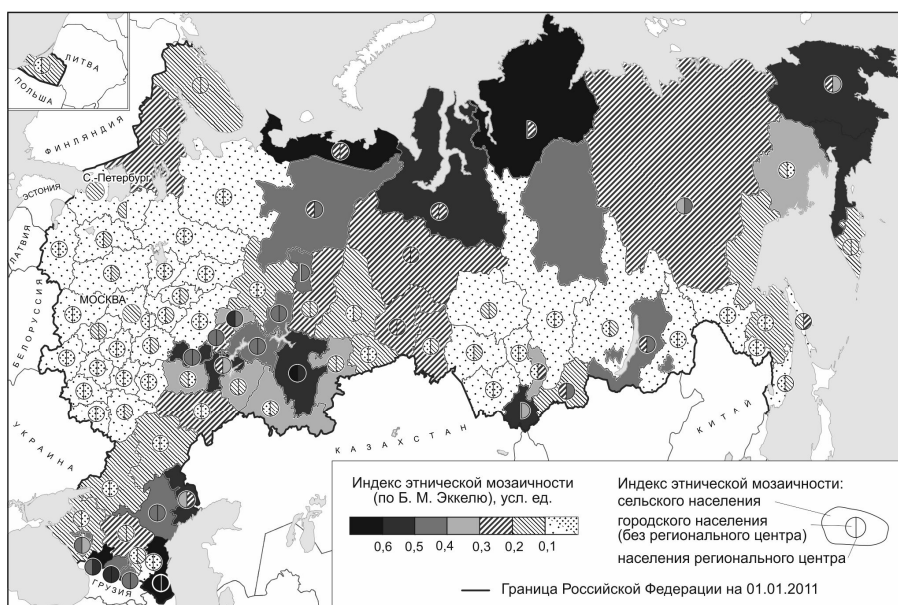

Рис. 5. Индекс этнической мозаичности по данным переписи населения 2010 г.

⁷ Индекс этнической мозаичности, по Б. М. Эккелю:

$$P = \sum_{i=1}^m \pi_i (1 - \pi_i),$$

где — P — индекс мозаичности этнической структуры населения, m — количество этнических групп в регионе, π_i — доля i -го этноса во всем населении.

При расчете учитывались этносы, доля которых в населении составляла более 0,5%, русские и «их спутники» рассматривались как единая этническая группа.

Четко вырисовываются две противоположные по типу ситуации. Значения индекса этнической мозаичности минимальны в «русском мегаядре»: как в Европейской части России, так и в русских регионах Азиатской части страны, расположенных вдоль основной полосы расселения⁸. На этом фоне выделяются центры некоторых областей-соседей первого порядка Московского столичного региона. Минимальные значения также характерны для Чечни с Ингушетией, откуда в 1990—2000 гг. было практически полностью вытеснено русскоязычное население. Максимальные значения индекса для сельской местности — в национальных республиках, где проживает несколько этносов, а также в пределах регионов этноконтактных зон, вовлеченных в интенсивные этнические миграции.

Хотя города в среднем более этнически мозаичны, эта закономерность не универсальна. Значения индекса для городов и сельской местности «русского мегаядра» отличаются незначительно — не более, чем на 0,1—0,2. Естественно, несколько более пестрое в этническом плане население более привлекательных для трудовой миграции региональных центров. Во многих национальных республиках крупные города, особенно столицы, также имеют более высокие значения индекса, но уже за счет более высокой доли русских и их «спутников». А вот в русских регионах в пределах этноконтактных зон в Среднем и Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, на Урале и в Азиатской части, города, опорные центры русской колонизации, а позднее советской индустриализации, чаще всего, наоборот, менее мозаичны в этническом отношении по сравнению с сельской местностью.

Выводы. Сравнительный анализ результатов постсоветских переписей населения России позволяет говорить об усложнении этнических процессов на территории страны. Наряду с классическими этнодемографическими процессами постепенно важную роль начинают играть вопросы формирования этнической идентичности и ее устойчивости.

Это касается прежде всего наиболее привлекательных и благополучных в экономическом и социально-политическом плане регионов, в которых наиболее интенсивно растет доля лиц по той или иной причине не давших ответ на вопрос о своей этнической принадлежности. Эти межрегиональные различия примечательны даже с учетом технических погрешностей, допущенных при проведении переписи, а тезис об устойчивости «русского мегаядра» требует уточнения.

Процессы увеличения доли титульных этносов в населении, а также «стягивания» народов в «свои» республики, характерные для большинства национальных субъектов России в постсоветский период несколько замедлились в 2000-е гг. Все большее значение приобретают трудовые миграции, в первую очередь в крупнейшие агломерации. Существенная часть трудоспособного (прежде всего мужского) населения большую часть года проводит вне регионов постоянной регистрации. Это «размывает» статичную территориальную этническую картину, фиксируемую переписью картину.

⁸ Здесь надо иметь в виду и некоторую возможную недооценку переписью этнического разнообразия урбанизированных территорий.

В то же время переписные данные не позволяют говорить о значительно более высоком по сравнению с окружающей сельской местностью этническом разнообразии населения всех городов России. Уровень этнической мозаичности определяется набором факторов, имеющих для каждого региона разный вес: размером и административным статусом городов, их генезисом, развитостью крупногородского расселения, экономической ситуацией в регионе.

Список литературы

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
2. Богдавленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Население России 2010—2011. М., 2013. С. 93—143.
3. Вендина О. И. Мигранты в Москве: грозит ли столице этническая сегрегация? М., 2005.
4. Карр Э. История Советской России: большевистская революция 1917—1923. М., 1990. К. 1. С. 325—402.
5. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 25.
6. Осипов А. Г. Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб., 2004.
7. Покишицкий В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. Март—апрель. №5. С. 3—15.
8. Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
9. Социальный атлас регионов России: этнический состав населения. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/index.shtml#ethnic> (дата обращения 15.01.2014).
10. Степанов В. В. Этническая идентичность и учет населения // Этнография переписи — 2002. М., 2003. С. 31—62.
11. Степанов В. В. Этническая статистика и российское законодательство // Этнические категории и статистика. М., 2008. С. 20—32.
12. Стрелецкий В. Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М., 2011. С. 146—176.
13. Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт. М., 1997. С. 15—43.
14. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
15. Эккель Б. М. Определение индекса этнической мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. Март—апрель. 1976. №2. С. 33—42.
16. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012.

Об авторе

Сафронов Сергей Геннадьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: saffff@mail.ru

RUSSIAN POPULATION ETHNIC STRUCTURE: TRENDS AND TRANSFORMATIONS

S. Safronov*

* *Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia*

Submitted on June 06, 2015

Based on the census data from 1989, 2002 and 2010, the article analyzes the evolution of the ethnic structure of the population of the post-Soviet Russia from the territorial perspective. The stability of the ethnic structure of the “Russian mega nucleus” and indigenization of the national regions are considered in view of the differences in migration trends during the two inter-census periods and the socioeconomic situation in the regions. The urbanization rate of major ethnic groups is an indirect indicator of the prospects of traditional “primordial” ethnic identities in different ethnic groups. Special attention is paid to new trends — an increase in the number of people refraining from answering the question about their ethnic identity or giving an unclear answer. Alongside serious census errors, this phenomenon can be a result of growing complexity of the ethnic identity structures and the processes of modernization, which occur at different rates in Russian and national regions. Based on the 2010 census data, the article analyses the differences in polyethnicity between the rural and urban population, which are accounted for by the historical background, particularities of regional development, settlement features, and migration processes of the past two decades.

Key words: ethnic geography, population censuses, ethnic mosaic index, population geography

References

1. Belozеров, V. S. 2005, *Jetnicheskaja karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic map of the North Caucasus], Moscow.
2. Bogojavlensky, D. 2013, Perepis' 2010: jetnicheskij srez [2010 Census: Ethnic section]. In: *Naselenie Rossii 2010—2011* [The population of Russia 2010—2011], Moscow, p. 93—143.
3. Vendnina, O. I. 2005, *Migranty v Moskve: grozit li stolice jetnicheskaja segregacija?* [Migrants in Moscow: whether threatens the capital of ethnic segregation?], Moscow.
4. Karr, E. 1990, *Istorija Sovetskoj Rossii: bol'shevistskaja revoljucija 1917—1923* [History of Soviet Russia: the Bolshevik Revolution 1917—1923], T. I, Moscow, p. 325—402.
5. Lenin, V. I. 1969, O prave nacij na samoopredelenie [On the right of nations to self-determination]. In: *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works], T. 25, Moscow.
6. Osipov, A. G. 2004, *Nacional'no-kul'turnaja avtonomija: idei, reshenija, instituty* [National-Cultural Autonomy: ideas, solutions, institutions], Saint Petersburg.
7. Pokshishevsky, V. V. 1969, Jetnicheskie processy v gorodah SSSR i nekotorye problemy ih izuchenija [Ethnic processes in the cities of the USSR and some problems in their study], *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], March-April, no. 5, p. 3—15.

8. Sokolovsky, S.V. 2004, *Perspektivy razvitija koncepcii jetnonacional'noj politiki v Rossijskoj Federacii* [Prospects of development of the concept of ethnic policy of the Russian Federation], Moscow.
9. Social'nyj atlas regionov Rossii: jetnicheskij sostav naselenija [Social Atlas of Russian Regions: the ethnic composition of the population], *Nezavisimyj institut social'noj politiki* [Independent Institute for Social Policy], available at: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/index.shtml#ethnic> (accessed 15.01.2014).
10. Stepanov, V.V. 2003, Jetnicheskaja identichnost' i uchet naselenija [Ethnic identity and registration of the population]. In: *Jetnografija perepisi* [Ethnography census], Moscow, p. 31—62.
11. Stepanov, V.V. 2008. *Jetnicheskaja statistika i rossijskoe zakonodatel'stvo* [Ethnic statistics and the Russian legislation], available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1258.pdf> (accessed 15.01.2014).
12. Streletsky, V.N. 2011, Rossija v jetnokul'turnom izmerenii: faktory regionalizacii i prostranstvennyje struktury [Russia in ethno-cultural dimension: the factors of regionalization and spatial structures]. In: *Regional'noe razvitie i regional'naja politika Rossii v perehodnyj period* [Regional development and regional policy of Russia in the transition period], Moscow, p. 146—176.
13. Tishkov, V. 1997, Identichnost' i kul'turnye granicy [Identity and cultural boundaries]. In: *Identichnost' i konflikt* [Identity and Conflict], Moscow, p. 15—43.
14. Tishkov, V.A. 2013, *Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samoznanija* [The Russian people: the history and meaning of national identity], Moscow.
15. Ekkel, B.M. 1976, Opredelenie indeksa jetnicheskoj mozaichnosti nacional'nogo sostava respublik, kraev i oblastej SSSR [Defining index ethnic mosaic of the national composition of the republics and regions of the USSR], *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], March-April, no. 2, p. 33—42.
16. Krasovitskaia, T. Yu., Tishkov, V.A. (ex. ed.), 2012, *Jetnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i jevoljucii rossijskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state], Moscow.

About the author

Dr Sergey Safronov, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: saffff@mail.ru